

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СПЕШНЫЙ ОТЪЕЗД

День своей смерти начальник и старший техник сахалинского маяка «Ани́ва» начали с будничного осмотра системы отопления. К полудню они запустили дизельный генератор и, пока жёны готовили обед, проверили аккумуляторную группу. Вечером в последний раз вышли на связь с гидрографической службой ближайшего, расположенного почти в сотне километров города, а перед ночным дежурством спустились к морю. Упав на мокрых камнях, начальник «Анивы» соскользнул в двадцатиметровый пролив между маяком и южной оконечностью Тонино-Анивского полуострова. Старший техник бросился ему на помощь. Течение унесло обоих, и они погибли в холодных водах Охотского моря. Такой была официальная версия. Что случилось на самом деле, никто не знал.

Достоверно известно, что вечером двадцать первого апреля тысяча девятьсот семьдесят первого года осветительный аппарат, прежде включавшийся по расписанию закатов с точностью до минуты, остался выключенным и не работал ещё две ночи. Жёны маячников, числившиеся техником и радистом, в действительности отвечали за готовку, уборку и прочие бытовые заботы. Подать сигнал бедствия по радио они не сумели, воспользоваться световыми ракетами и привлечь проходящие суда не догадались. Спасатели нашли одну женщину истощённой, лежащей на полу радиорубки, а вторую в беспамятстве сидящей на ступенях маячной башни. Судя

по разрозненным отчётам, собранным в папке «Приложение № 27 к делу „Найтингейл. ПР-16/02РЧУК“», женщины верили, что в тот злополучный вечер их мужья маяк не покидали и к морю не спустились.

На полях отчётов красовались вопросительные знаки и восклицания вроде «Важно!» или «Уточнить!», сделанные красным карандашом — их явно оставил Паша, — а каких-либо сопроводительных комментариев его отца в папке не обнаружилось. Давлетшин-старший лишь перечислил наиболее значимые поломки на маяке, первые из которых относились к годам, когда «Аниву» ещё называли «Нака-Сиретоко-мисаки», а юг Сахалина, принадлежавший Японии, называли Карафуто. В тысяча девятьсот сорок втором году штормовой ветер разбил окна на втором и третьем этажах, в семьдесят втором вышли из строя отопительные котлы, в восемьдесят шестом антенну радиомаяка сломал тайфун, а в девяностом её повредил снегопад. Ничего интересного Соня не подметила. Вернулась к единственной записи, обведённой красным карандашом — о пропавших маячниках, — затем, измученная духотой, поднялась из-за стола и открыла окно. Сомлевший на июльской жаре воздух облегчения не принёс.

Соня замерла перед старым овальным зеркалом. Не узнала своё осунувшееся лицо. Увидев, как за спиной в отражении дрожат и змеются узоры настенного ковра, упёрлась рукой в книжную полку. Испугалась, что от духоты упадёт в обморок, но в дверь постучали, и предобморочная слабость отступила.

— Идём пить чай.

Оксана Витальевна даже не попыталась войти. Привыкла, что комната сына заперта на задвижку. Постояла у двери и, шаркая разношенными тапками, отправилась на кухню, а когда Соня к ней присоединилась, достала из холодильника яблочный пирог.

— Бери, не стесняйся. — Оксана Витальевна налила Соне чай с бергамотом и, сев напротив, спросила: — Знаешь, что они сделали с Пашей?

Соня качнула головой. Не поняла, о ком идёт речь. Давлетшина-старшего тоже звали Пашей.

— Они его убили.

Соня сгорбилась на жёстком табурете, до боли сжала колени.

— Потом сказали, что Паша умер от лихорадки. Ну да... В джунглях Боливии. — «В джунглях Боливии» Оксана Витальевна произнесла протяжно, нараспев. Опустила взгляд на клеёнку, провела пальцем по изображённым на ней ромашкам и добавила: — Вынести Пашу не удалось. Потому что джунгли.

Речь всё-таки шла о Давлетшине-старшем. Соня знала его лишь по фотографии, где он надевает на маленького Пашу цветастую кепку с пропеллером, но слышала, что Давлетшин-старший был одним из пяти основателей антикварного магазина «Изида». Путешествовал по отдалённым странам, искал забытые предметы искусства, а в две тысячи четвёртом, когда Паше едва исполнилось три года, отправился в Боливию и на охоте заболел болотной лихорадкой, то есть малярией. Основатели «Изиды» продолжали один за другим гибнуть в разных экспедициях, и последний из них, чудом уцелевший, на восемнадцатилетие подарил Паше карту с координатами могилы, вырытой для Давлетшина-старшего где-то на диком берегу Мадре-де-Дьос. На счастье Оксаны Витальевны, воспользоваться картой Паша не захотел.

— «Изида» отняла у меня мужа. Теперь пришла за сыном. Надо было выбросить коробки... Паша любил в них копаться. Там ведь не только бумаги, там всякие штучки, картинки. Как тут выбросить? Ты видела его записку?

Соня видела, но согласилась взглянуть ещё раз. На салфетке Паша красным карандашом написал:

Уезжаю по работе.

Нужно довести до ума папино дело.

Больше ни слова.

— *Уезжаю по работе...* — Оксана Витальевна бережно разглядела салфетку и положила возле герани на подоконник. — Хамство какое-то. И зачем «Изиде» Паша? Что он может? Отучился три курса и уже археолог? А я говорила, что вся эта археология до добра

не доведёт. Это он в отца. Тоже мечтал копать в древностях... Ну, забрали бы что нужно, хоть все коробки, и шли бы куда подальше. Пашу зачем дёргать? Ведь собирался летом на практику куда-то... Куда он собирался? А что теперь? Связался бог знает с кем. *Уезжаю по работе.* Какой деловой!

Оксана Витальевна распалялась от досады, покрывалась испариной, а её взгляд оставался пустым. Паша не сказал маме, что отчислен из университета. Соня и сама узнала недавно. Паша грустил, в одиночестве гулял по Ботаническому саду, сидел в Исторической библиотеке, а грустить он начал задолго до отчисления, и Соня не понимала, в чём дело. Когда в мае на Пашу вышел кто-то из «Изиды», не приставала к нему с расспросами и лишь порадовалась, что он ожил — хватался за книги и документальные фильмы о Сахалине, показывал Соне копии старинных карт, правда, «Аниву» с пропавшими маячками не упоминал.

Соня отодвинула чашку. Её мутило от бергамота. Кожа на ладонях высохла. Руки сделались тяжёлыми, неудобными. Соня почувствовала, к чему всё идёт, и постаралась сосредоточиться на дыхании, как учил психолог, хоть и не верила, что это поможет. Раньше не помогало.

— Я одного не понимаю, — промолвила Оксана Витальевна. — Почему он не взял фотоаппарат? Он везде с ним таскался! Найдёт развалины и фотографирует каждый кирпичик, потом зовёт: вон как изящно, необычно. А тут не взял. Неужели всё настолько серьёзно?

Соня не разобрала, при чём тут фотоаппарат, и нелогичность вопроса окончательно вывела её из равновесия. На лбу и ладонях проступил холодный пот. В затылке клюнуло металлическим остриём. Запах бергамота наполнил кухню. С ним проявились другие, прежде неразличимые запахи. Они волнами накатывали от цветущей герани, от чёрной плесени на обоях возле раковины, от лежавших на микроволновке головок чеснока.

— Паша лучше бы соврал что-нибудь. Сказал бы, что едет от университета в лагерь. Неужели трудно?

Из приоткрытой посудомойки разило влажной гнилью. От халата Оксаны Витальевны несло горькими, будто прокисшими духами. Запахи окутывали Соню, душили, и худшим оставался тошнотворный запах бергамота. Она отодвинула чашку подальше и расплескала чай. Вскочила с табурета, кинулась в коридор. Сбила оранжевую сумку-тележку. Не задержалась, чтобы поставить её на колёса. Заперлась на задвижку в Пашиной комнате и рухнула на кровать. От подушки пахло Пашей. Соня представила, что обнимает его, и не шевелилась до тех пор, пока не убедилась, что приступ миновал.

Опять осмотрела комнату. Паша уехал в спешке и действительно забыл фотоаппарат. Зачехлённый, тот привычно лежал в шкафчике с коллекцией ретро-консолей, сравнительно новой «Плейстейшн» и коробкой коллекционного издания «Анчартед 4». Куда больше Соню удивило, что Паша не взял красную кнопочную раскладушку «Панасоник», которую Оксане Витальевне подарили на работе, — она предпочла и дальше пользоваться старым кирпичиком «Нокиа», а «Панасоник» отдала сыну. Раскладушка осталась на книжной полке, куда Паша складывал прочитанные за последние месяцы книги. Наверное, перед поездкой получил аванс от «Изиды», наконец купил смартфон и заодно какой-нибудь красивый номер.

Наклонив голову, Соня взглядом пробежалась по корешкам книг. Рамачандран, Сет, Гиляровский, Сакс. Распухшие от закладок «Быть собой», «Не в себе». Пара учебников по археологии. Несколько переплетённых монографий по истории Сахалина. Ничего особенного. Вернулась за стол и взялась за папки с распечатанными Пашей материалами, но больше не вчитывалась во всё подряд — лишь искала фрагменты, отмеченные красным карандашом. Убедилась, что Пашу в первую очередь интересовала давно заброшенная «Анива». Основное внимание он уделил техническим характеристикам маяка в довоенные годы, когда вместо дизельного генератора ещё использовался часовой механизм.

Почти на всю высоту девятиэтажной башни маяка тянулся трос. К нему крепились гири весом в двести семьдесят килограммов.

Маячники при помощи рычага поднимали её наверх, как это делают, поднимая гири в напольных часах, она начинала опускаться и приводила в движение осветительный аппарат, опорный поплавок которого для более плавного хода вращался в чаше с ртутью. Паша дважды подчеркнул строчку с указанием, что в чашу заливали до трёхсот килограммов ртути. Гиря опускалась за три часа, и японцы вновь брались за рычаг. После войны «Аниву» частично перестроили, а часовой механизм убрали, что впечатлило Пашу ничуть не меньше гибели советских маячников. Видимой связи Соня тут не нашла. По-прежнему не понимала, какое отношение ко всему этому имеет антикварный магазин «Изида».

Открывая очередную папку, готовилась к новому перечню поломок на маяке или его техническим описаниям из тех лет, когда на смену дизельным пришли радиоизотопные генераторы с плутонием, однако увидела справку об иммунопрофилактике клещевого энцефалита и маршрутную квитанцию электронного авиабилета. Судя по квитанции, девятнадцатого июня, то есть месяц назад, Паша улетел в Южно-Сахалинск.

Даты обратного рейса не было.

Соня перебрала распечатанные с сайтов экскурсионные программы, заметки об экспозициях краеведческого музея, современные туристические карты, старинные карты с иероглифами и обнаружила письмо с подтверждением оплаченного проживания в двадцать седьмом номере гостиницы «Серебряная река». «Почему именно в двадцать седьмом?» — рассеянно подумала Соня.

Она осталась с единственной зацепкой — адресом гостиницы, откуда Паша, если верить изначальной брони, должен был выехать на прошлой неделе. В Москву он не вернулся. Значит, его путешествие затянулось, и Соня решила отправиться следом. Почувствовала, что Паша нуждается в ней, как никогда раньше. Даже представила, что он, раненый, лежит в лесу, зажимает рану в тщетных попытках остановить кровь и одними губами шепчет её имя.

Соня поднялась из-за стола. Схватила несколько книг. Помедлив, взяла кнопочный «Панасоник». С сомнением посмотрела в откры-

тый шкафчик на фотоаппарат. Предпочла обойтись без него. Дёрнув задвижку, выбралась в коридор и заставила себя зайти на кухню, чтобы проститься с Оксаной Витальевной, но обнаружила, что Пашиной мамы нет. Квартира пустовала. Странно, что Оксана Витальевна не предупредила об уходе и к тому же заперла дверь на все замки, а замков было много, и пришлось с ними повозиться, прежде чем выйти на лестничную площадку. Захлопнув за собой дверь, Соня заторопилась вниз по ступеням и вскоре выбежала из подъезда на улицу.